

Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне

Анна Стрельникова*

Аннотация

Современный город охватывает все этапы человеческой жизни, служит ареной для социальных взаимодействий и хранилищем свидетельств о значимых исторических фактах. Городское пространство — это также ресурс для реализации разного рода жизненных потребностей. Коллективное «потребление» города проявляется в опыте изменения пространства, а также в символическом восприятии тех или иных городских мест. В данной статье мы рассматриваем город как пространство, в котором представлены знаки коллективной памяти об одном из важных событий недавнего прошлого — об Афганской войне 1979–1989 гг. Мы анализируем контексты создания памятников, посвященных этой войне, используемую символику, функционирование памятников и их роль в конструировании коллективной идентичности воинов-афганцев. Мы предлагаем рассмотреть особенности использования городского пространства для передачи памяти об Афганской войне, опираясь на результаты коллективного проекта «Историческая память» (интервью с воинами-афганцами, фокус-группы со студентами), а также используя анализ тематических материалов интернет-пространства (новостные ленты, виртуальные фотоальбомы со снимками афганских памятников, сайты афганских организаций).

Ориентиры памяти

Как официальная, так и неофициальная меморизация тех или иных городских объектов, от макро- до микроуровня, отражает связь между прошлым и настоящим, при этом память, которая «застывает» в пространстве, является и ориентиром в социально значимых событиях, и продуктом отношений людей с местом обитания. Коллективная память имеет в арсенале реальные живые воспоминания (если речь идет о событиях недавнего прошлого), почерпнутые из неофициальных источников факты, мнения, не согласующиеся с официальными версиями, результаты собственных длительных размышлений людей относительно пережитых событий. Таким образом, создание памятных мест (мемориалы, особые места встреч) можно назвать способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое. При этом то, как представлен отрезок времени в визуальных образах, имеет важное значение для коллективной идентичности.

П. Нора говорит о том, что наше время можно назвать переломным в способе организации памяти, «мемориальной эпохой». Среди основных характеристик этой эпохи он выделяет феномен ускорения истории, который разрушил «единство исторического времени, красивую прямую линию, соединявшую прошлое с настоящим и будущим... представление, которое любая нация, группа, семья имела о своем будущем, диктова-

---

* Стрельникова Анна, ст.н.с. ИС РАН, nenauka@gmail.com

ло ей, что она должна удерживать из прошлого, чтобы подготовить это будущее; именно в этом заключался смысл настоящего, бывшего лишь связующей нитью». Но сейчас, как отмечает Нора, над будущим нависла абсолютная неопределенность: «...невозможность предвидеть будущее, в свою очередь, ставит перед нами обязательство благоговейно и неразборчиво собирать любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит (может быть) стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были» (Нора, 2005). При этом, по мнению П. Нора, память о военных действиях конструируется (и реконструируется) наиболее активно, поскольку всегда мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события.

Важно отметить, что в процессе вспоминания всегда происходит взаимовлияние индивидов друг на друга: память окружающих побуждает, подталкивает к активизации собственной памяти, служит для нее опорой. Пребывая большую часть времени в бессознательном виде, воспоминания вновь становятся сознательными лишь при поступлении импульса «вспомнить все». Рамки памяти, о которых идет речь в одноименной работе Хальбвакса, — есть «результат, сумма, сочетание индивидуальных воспоминаний множества членов данного общества» (Хальбвакс, 2007. С. 29), которые помогают классифицировать памятные сюжеты. Исчезая или трансформируясь, рамки памяти влекут за собой аналогичные процессы, происходящие с нашими воспоминаниями. Хальбвакс выделяет два типа связи рамок памяти и воспоминаний: первый — по аналогии рамы картины и помещенного в нее холста, и второй — тождественность природы рамки и вспоминаемого события, когда события являются сутью воспоминания, а рамка в свою очередь состоит из воспоминаний. Во втором случае воспоминания являются более устойчивыми, всегда легко дифференцируются и их удобно использовать для реконструкции других воспоминаний. Хальбвакс описывает процесс вызывания воспоминаний как мысленное перебирание разных периодов времени (как пустых рамок) и постепенное углубление в прошлое, начиная с определенного года, затем месяца и дня. Подобная локализация воспоминаний способствует проявлению и узнаванию совершенно неожиданных сюжетов, это размышление, уже заключающее в себе какие-то идеи, помогающие в дальнейшем процессе меморизации. Рамки, позволяющие реконструировать прошлое, являются общими для членов одной группы, обладающих схожими воспоминаниями.

Места памяти и контексты создания памятников

В работе «Проблематика мест памяти» П. Нора заявляет о прекращении существования памяти и объясняет растущий интерес к местам памяти попыткой сгладить ощущение разорванной памяти (Нора, 1999). Места памяти (музеи, архивы, монументы, коллекции), по мнению Нора, существуют лишь потому, что память социальных групп перестала воспроизводиться так, как раньше. Охраняя свидетельства о прошлом, места памяти призваны поддерживать существование сообщества. Эти «точки опоры» несут в себе материальный, символический и функциональный смысл.

Отметим, что само материальное и символическое конструирование памятников, посвященных военному прошлому, контекстуально связано с целым рядом внешних факторов, таких, как текущие культурные предпочтения, идеологические и политические аспекты, и т.д. Можно сказать, что «память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы» (Хальбвакс, 2007. С. 180). При этом постепенно вырабатывается определенный «канон» увековечивания трагических событий. Так, по данным ВЦИОМ, для большинства россиян главными символами памяти о Великой Отечественной войне являются: скульптура «Родина-мать зовет!» в Волгограде, мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, памятник воину-освободителю в Берлине и памятник советскому солдату-освободителю в Болгарии «Алеша» (Сайт ВЦИОМ). Очевидно, что данные контексты «освобождения» и «спасения» неприменимы к афганской войне, поскольку речь идет о меморизации «неге-

роического военного конфликта» (Данилова, 2005). Поэтому неудивительно, что в ходе наших интервью с ветеранами-афганцами упоминания об афганских памятниках были единичными и, как правило, вне связи с их «использованием», т.е. безличными: «Ну, у нас был там в Орехово-Борисово памятник. Сейчас в школу перенесли».

Исключение составляет один случай, когда памятник использовался для встреч возле него, и у афганцев возникли ограничения в использовании памятника: «Мать одного из наших ребят — она директор школы... пробила то, чтобы... памятник стоял на территории школы, вот. Единственное, что нас ограничили немножко, э, в свободном, так сказать, посещении. Ну, как ограничили, не то, что, там, пожалуйста, приходи в любой момент, там, можешь положить цветы там, просто, но, вот, чтоб какие-то мероприятия проводить только в те дни, когда там не бывает занятий, потому что, ну, вот, после взрыва на Котляковке, ну, власти побаиваются все-таки, что может что-то повториться, ну, чтоб не погибли дети, вот нас. Если какие-то мероприятия около памятника, то в то время, когда там нет детей в школе».

Этот случай наглядно показывает, что афганцев воспринимают с точки зрения опасности, и стараются исключить их из своего пространства.

Характерно, что в фокус-группе с поколением восемнадцатилетних при обсуждении первых спонтанных представлений об Афганской войне было упомянуто о заброшенности памятников:

«когда звучит вообще словосочетание “Афганская война”, первое, что приходит в голову — это, во-первых, заброшенные памятники, неухоженные, солдатам, которые погибли в Афганистане».

Примечательно, что это увязывается с необходимостью организованного забвения неудачных военных действий:

«государство после того, как закончилась эта война, пытается как-то, не знаю, похоронить наши какие-то знания и воспоминания об этой войне, потому что как-то негативно нами воспринимается, потому что она была проиграна, потому что мы не добились в ней успеха и потеряли очень много людей» [Материалы фокус-группы].

Таким образом, во множестве различных «коллективных памяти» память об Афганской войне не занимает устойчивой позиции. В свою очередь, это может быть связано с достаточно размытой и противоречивой идентичностью воина-афганца. Так, результаты интервью говорят о том, что многим респондентам удобнее отождествлять себя с десанниками и отмечать день ВДВ — наравне или даже вместо даты вывода войск из Афганистана:

«Я хоть и сапер, но второе августа отмечаю (смеется.) Для меня это как-то порой больше праздник», «Второе августа обязательно собираемся. День ВДВ... с братом».

Результаты фокус-группы со студентами разворачивают причины такой разорванной идентичности:

«Получилось так, что война затерялась между известными нам, между Второй мировой и Чеченской. Если Вторую мировую войну мы, в принципе, по определению, должны знать хорошо, и мы понимаем, за что мы воевали и почему, с Чеченской тоже более-менее все понятно, а вот Афганская война, действительно, она затерялась, проходила не на нашей территории, и, ну, плохо понятно, зачем она нужна была и почему».

Индивидуальная память может опираться на коллективную для уточнения какого-либо воспоминания или восполнения пробелов. «Обмен историями» и их последующая модификация производится до тех пор, пока у всех членов группы не окажется примерно одинаковый набор схожих историй, базируемых на отдаленно схожих фундаментах личного опыта. Это происходит благодаря тому, что заимствованные воспоминания соответствуют фоновому эмоциональному ощущению индивида, связанному с тем событийным рядом, к которому относятся данные воспоминания.

М. Хальбвакс выделяет два доступных индивиду типа памяти: сугубо личные переживания, даже если они в какой-то мере были разделены с другими индивидами; и безличные воспоминания, затрагивающую группу, к которой данный индивид принадлежит (Хальбвакс, 2005). Коллективная память развивается по собственным законам, и даже

если в нее порой проникают некоторые индивидуальные воспоминания, они быстро видоизменяются, переставая быть сознанием личности. Она содержит не только даты и абстрактные определения (в таком случае она оставалась бы внешней по отношению к индивиду), но и определенные оценочные категории, а также эмоциональную составляющую. При этом неизбежны обновления и пополнения индивидуальных воспоминаний по мере вовлечения в те или иные группы.

Первоначально сцена из прошлого может казаться ясной и полной, не требующей никаких дополнительных разъяснений, но лишь до того момента, пока не встретится человек, ставший участником или свидетелем тех же событий, поскольку «совершенно невозможно, чтобы два человека, видевших один и тот же факт, рассказывая о нем некоторое время спустя, воспроизвели его одинаково» (Хальбвакс, 2005). Погружаясь одновременно или по очереди в несколько разных групп, каждая из которых имеет свою коллективную память, индивид оказывается носителем воспоминаний о событиях, имеющих значение только для членов данной группы, и чем малочисленнее группа, тем большее значение имеют для каждого ее члена коллективные воспоминания.

Собираясь вместе и обсуждая события, пережитые всеми собеседниками, участники коммуникации конструируют общую коллективную память из отдельных индивидуальных «памятей», порой неосознанно трансформируя свои воспоминания. С одной стороны, восстановленная картина прошлого может синхронизировать воспоминания с реальными событиями. Но воссозданный образ одновременно становится неточным и неполным, поскольку может происходить сглаживание (или драматизация) неприятных сюжетов, и дополнение новых черт, не замечавшихся прежде. По нашему мнению, ситуация с афганцами весьма схожа с тем, что описывает М. Хальбвакс: они «...ощущают свою непричастность к происходящему в обществе, порой даже ненужность, а потому не находят для себя иного призвания, чем воссоздание прошлого с задействованием всех тех средств, которыми они располагали и ранее, но не имели времени или желания их использовать» (Хальбвакс, 2007). В данном случае приходится говорить о том, что воспроизводство «афганской» идентичности носит непоследовательный характер, причем воспроизводство занимается в основном те, кто прошел войну с наименьшими для себя потерями:

«Если он там играет все это делал, а кто-то, наоборот, там на этом сделал карьеру, то есть он рассказывает, он переживал, да, а его все слушают, он поднимается, поднимается по лестнице»

и те, кто хочет об этом говорить, в то время как другие молчат:

«Не знаю, о чем говорить (школьникам — прим. авт.). Вы знаете, говорить правду... это в тоже время противоречить себе и государству. А лгать не привык. Ну не дай Бог, как у меня там случится», «Посидим, поговорим, друг другу выскажем все, что думаем, вот и все. На этом все и заканчивается. Ну, такие вещи потому что нельзя говорить».

Отсюда и преобладание одних вариантов коллективной памяти перед другими, и настойчивое желание показать низкую эмоциональную вовлеченность в прошлое («зачем об этом вспоминать?»). Таким образом, мы находим подтверждение тезиса П. Нора о том, что функциональная составляющая мест памяти (в данном случае ассоциаций ветеранов афганской войны), связанных с поддержанием нетипичного опыта, исчезает вместе с пережившими его людьми, и не находит преемственности среди младшего поколения.

Характеристика мест памяти об афганской войне

Места встреч афганцев в городском пространстве оказались строго локализованными и скорее частными, закрытыми:

это их клуб: *«последний четверг месяца у нас собрание, человек семьдесят-шестьдесят собирается»*

а также Котляковское кладбище: *«У нас там афганцы похоронены, кто еще до взрыва... и взрыв там у нас был как бы... и там погибло человек девяносто... И памятник там*

стоит», «у нас святое — это Котляковское кладбище, т.е. самое большое место захоронения афганцев, вот, которые погибли в Афганистане, в Москве я имею в виду»,

и изредка другие кладбища: «в свое время, мы и с супругой ходили на Серафимовское, где есть памятник воинам в Афганистане, интернационалистам... Ну, и там есть часовенка, ставим, соответственно, свечи».

Неформальное общение друзьями происходит либо в домашней обстановке, либо в кафе: «Нет, я никуда не хожу... к... в тесном маленьком кругу посидим. Я не любитель ходить там в Парк Горького... это не для меня. А так посидим там за столом, вдвоем, втроем»,

Говоря о памятниках, посвященных Афганской войне, мы попробуем выделить такие важные характеристики, как используемая символика (общее и особенное в ней), функционирование памятников в пространственно-временных координатах города («использование» их как мест для встреч, борьба за снос/перенос памятников, вандализм, и т.д.), активные периоды установки памятников (есть ли такие периоды и с чем они связаны).

Какой-либо периодизации в установке афганских памятников нами не обнаружено. Памятники ставили и в предыдущие два десятилетия, и сейчас:

«недавно сделали памятник очень такой хороший, очень такой приличный. Тут, кстати, у дворца пионеров, новый сделали. Ты, если, мы можем доехать, он там такой стоит с автоматом. Вот недавно его открыли, по-моему, в прошлом или позапрошлом году».

Периодически в новостных лентах появляются сообщения об утрате афганских памятников: украден, разбит вандалами, нуждается в реставрации, перенесен и даже «отправлен в металлолом».

Опираясь на материалы фотоальбомов, размещенных на тематических афганских сайтах, мы проанализировали символику, используемую в памятниках. Результаты представлены в таблице.

Таблица 1. Анализ фотоальбома «Памятники Афганской войны» (фотоальбом содержит снимки памятников России и стран СНГ, адрес фотоальбома http://talykan.p0.ru/photo/pamjatniki_afganskoj_vojny/16), нами проанализировано 75 фото

	<i>Примеры</i>	<i>Общее количество</i>
<i>Символы, использованные в памятниках</i>	<i>Стелы и плиты с отчеканенными именами воинов</i>	<i>59</i>
	<i>Фигура одного солдата</i>	<i>12</i>
	<i>Композиция из группы солдат</i>	<i>11</i>
	<i>Скорбящая мать</i>	<i>3</i>
	<i>Вечный огонь</i>	<i>3</i>
	<i>Черный тюльпан</i>	<i>6</i>
	<i>Танк, другая военная техника, оружие</i>	<i>9</i>
	<i>Религиозная символика</i>	<i>9</i>
<i>Надписи, использованные в памятниках</i>	<i>Традиционные варианты «Вечная слава...», «Воинам-интернационалистам»</i>	<i>12</i>
	<i>Обращения, стихи</i>	<i>9</i>

Фото 1. Общевоенные образы. Москва
[Источник фото:
<http://onfoot.ru/photos/mos/1938.html>]

Фото 2. Общевоенные образы. Пермь.
[Источник фото:
http://talykan.p0.ru/photo/gperm_quotrazorvannoe_bratstvoquot/17-0-988]

Фото 3. Афганские образы. Курчатов.
[Источник фото:
<http://gsvg33.narod.ru/kurchatov.html>]

Фото 4. Афганские образы.
Нижний Новгород
Источник фото: <http://citycatalogue.ru/Russia/Ekaterinburg/War-history-sights/6598606>

Фото 5. Религиозные образы. Минск
[Источник фото: http://img-fotki.yandex.ru/get/9/charlyshok.5/0_889a_9f33e116_XL]

Фото 6. Эклектичные образы. Луга.
[Источник фото:
http://talykan.p0.ru/photo/lugaleningradskaja_obl/17-0-1047],

Фото 7. Эклектичные образы. Кривое Озеро.
[Источник фото:
http://talykan.p0.ru/photo/pkrivoe_ozeronikolaevskaja_obl/18-0-997].

Проведенный нами анализ фотоматериалов показывает, что в архитектурном облике афганских памятников чаще всего используются традиционные для военных мемориалов символические элементы: образ военного братства, образ скорбящей матери, вечный огонь, отчеканенные списки с именами погибших: «Монумент представляет собой триумфальную арку и стелу в обрамлении восьми горельефов. Также в комплекс входит отлитый из бронзы вечный огонь и списки, в которых будут указаны 128 фамилий погибших в военных действиях и 6 пропавших без вести» (описание пензенского монумента из ленты новостей).

Кроме «общевоенных» образов, иногда используются и афганские детали, такие, как танк в камуфляжной расцветке, черный тюльпан в стилизованном или реальном виде (и как цветок, и как вертолет): «Правительством Свердловской области было принято решение создать мемориал «Черный тюльпан» — открыть памятник, посвященный погибшим на Кавказе, в Таджикистане и в других горячих точках России и стран СНГ». Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о размытой идентичности афганцев, поскольку такое совмещение Афганской и Чеченской войны, других локальных войн, вовсе не является единичным случаем. Исследование Н. Даниловой также показало, что «участники Афганской войны символически были объединены в одну группу с участниками остальных «малых» военных кампаний как вне, так и на территории России» (Данилова, 2005). Отдельная тенденция — использование религиозных сюжетов в афганских мемориалах (маковки православных церквей, колокола, кресты), при этом порой возникают совершенно эклектичные образы. Например, в г. Луга Ленинградской области памятник представляет собой огромный каменный крест с высеченной на ней фигурой воина, а наверху креста прикреплена пятиконечная звезда; в украинском поселке Кривое Озеро вырезанный в граните образ креста плавно перетекает в образ звезды (см. фото).

Заключение

Таким образом, можно наблюдать противоречивую картину материализованных проявлений коллективной памяти об Афганской войне. Память воинов-афганцев как группы, желающей, чтобы ее воспринимали как носителя неких общих черт, общего прошлого, оказывается достаточно неоднородной и законсервированной в пределах группы. Символическое значение мест памяти об афганской войне мозаично (представлено от религиозных до поэтических мотивов) и имеет закрытый характер, то есть не поддается расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта.

Литература

- Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Левинсон А. Память. Памятник. Мемориал. / Полит. Ру // Режим доступа: http://www.polit.ru/research/2004/01/06/levinson_pamjat.html
- Нора П. Проблематика мест памяти /Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М., Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Рузанова Н. Памятник афганской войны отправлен в металллом // Российская газета – Неделя – Сибирь № 5282 от 9 сентября 2010 г. // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/09/09/reg-sibir/pamyat.html>
- Сайт Свердловской Областной Организации Российского союза ветеранов Афганистана имени Героя Советского Союза Юрия Исламова // Режим доступа: <http://www.rsva-ural.ru>
- Фотоальбом. Памятники афганской войны // Режим доступа: http://talykan.p0.ru/photo/pamjatniki_afganskoj_vojny/16
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Тема 1: Что такое коллективная память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.